

Геоэкономика как инструмент интеллектуальных войн: принуждение или свобода выбора?

И. В. Лапина, Е. А. Перионкова

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)

Аннотация: Авторы анализируют геоэкономические инструменты, используемые государствами во внутренней и внешней политике, с точки зрения выявления действующих принудительных механизмов в социальных практиках современности. Выявляются варианты использования экономического принуждения как важнейшего средства геополитической борьбы. Отдельно представлен тот момент, что в государствах должно сохраниться право на следование уникальной социально-экономической модели развития. Рассматриваются отрицательные последствия односторонних принудительных мер. Используя метод когнитивного моделирования, авторы на основе когнитивных карт выявляют связи в анализируемых социальных практиках с позиции исследования средств геоэкономического давления.

Ключевые слова: геополитика, когнитивное моделирование, экономические инструменты, когнитивные карты, геополитические стратегии.

В настоящее время страны используют геоэкономическую политику как вариант глобальной стратегии и одновременно элемент идеологии национальной безопасности государств. Как верно замечают Д. М. Харрис и Р. Блеквилл, «Все больше государств проводят геополитику на основе капитала...пытаясь добиться стратегических целей, ради которых в прошлом нередко приходилось прибегать к принуждению...» [1, р. 9].

Не случайно в настоящее время все чаще государства используют экономические инструменты в качестве ведущего средства геополитической борьбы. Но при этом односторонние принудительные меры отрицательно сказываются на экономическом развитии. Самобытное социально-экономическое развитие не должно мешать взаимодействию между государствами, которое в наше время не может основываться на идеологических штампах.

Война уже достаточно давно предполагает использование не только традиционного летального оружия. Оружием можно считать все, что используется как средство интеллектуального влияния на человека, принуждая его к определенному выбору, прежде всего в киберпространстве.

Мы проанализируем с позиции когнитивного моделирования то, какими способами используются геоэкономические инструменты принуждения для достижения поставленных геополитических целей.

Термин «геоэкономика» в данный момент понимается неоднозначно. Так, например, есть мнение, что это «комбинация международной экономики, геополитики и стратегии, то есть ... некое всеобъемлющее явление» [2]. Брэд Сетсер и Пол Шварц рассматривают геоэкономику как «все, что касается одновременно экономики и геополитики» [3]. Можно различать «геоэкономику и экономическую конкуренцию, характеризуя те инструменты влияния, которые затрагивают эффективность производства, контроль рынка, сальдо торгового баланса, сильную валюту, валютные резервы» [4]. Известный французский политический экономист Паскаль Лоро, анализируя современную обстановку, указывает на то, что «геоэкономика изучает экономические стратегии, особенно торговые стратегии, которые принимаются государствами в определенных политических условиях для защиты собственных экономик в целом или их строго определенных сегментов, чтобы предприятиям этих стран приобрести технологии или закрепиться в том или ином секторе мирового рынка с конкретными видами продукции или коммерциализировать те или иные продукты» [5]. Исследователи также обращают внимание, анализируя данную проблематику, «...на торговлю и протекционизм в промышленности» [6]. Термин «геоэкономика» также употребляется в предельно расширительном значении применительно ко всей экономической деятельности США [7]. Геоэкономика может рассматриваться как пример использования экономических инструментов (от торговой и инвестиционной политики до санкций, кибератак) в ходе достижения геополитических целей (См. рисунок 1).

Рассмотрим пример принуждения из практики Соединенных Штатов Америки, которые создали коалицию из десятков стран для того, чтобы заставить Ирак отказаться от агрессии и вторжения в Саудовскую Аравию. Однако дипломатические приемы, основанные на санкциях, не сумели заставить Ирак оставить эту страну и восстановить независимость Кувейта [8].

Еще один яркий пример применения механизма экономического принуждения демонстрирует Китай, который Роберт Блэквилл и Дженнифер Харрис называют «ведущим практиком геοэкономики», указывая, что он «стал главным фактором возвращения регионального и глобального проецирования силы в экономику без применения политической и военной силы» [1, p. 11].

Возникает закономерный вопрос: как предпринимать необходимые шаги, чтобы наблюдатели отметили бесспорную попытку к принуждению, и необходимо ли для этого сообщать о своих намерениях? Принудительные меры могут вводиться в одностороннем порядке экстерриториально, действуя целенаправленно на ряд государств и при этом затрагивая третьи страны [9].

Збигнев Бжезинский, идеолог внешней политики Соединенных Штатов Америки, отмечает, что «политика одностороннего принуждения вызовет в международном сообществе такие умонастроения, что государства, не желающие подвергнуться шантажу, посчитают своей первоочередной задачей тайное приобретение оружия массового поражения» [10, с. 30]. Таким образом возник и развивается десятками лет механизм гонки вооружений.

В киберпространстве возможность реализовать угрозы многократно усиливается. В этих условиях требуется создание международной концепции цифровой экономики для защиты бизнеса. Вызывает интерес мнение

Президента США Джо Байдена: «Я думаю, что более чем вероятно, что мы закончим войну – настоящую войну с великой державой – в результате кибератаки большого масштаба, и вероятность увеличивается экспоненциально», – сказал Байден во время посещения офиса главы национальных разведывательных служб [11]. Приведем также высказывание Джозефа С. Найя о том, что «...угроза не обязательно должна быть физической. Так, например, океаны не помогают. Кибератака может произойти с расстояния от десяти до десяти тысяч миль» [12].

Итак, с достаточной долей очевидности можно утверждать, что в настоящее время расширяется диапазон киберугроз. Примером может выступить анализ, проведенный ведущим специалистом и исследователем в данной области Юрием Диогенесом, профессором EC-Council University США, ведущего высшего учебного заведения, специализирующегося на технологиях кибербезопасности. Он указывает на то, киберугрозы меняются очень быстро, в соответствии с изменениями технологий, уязвимым для атаки является любое устройство, особенно это связано с концепцией «интернета вещей» (IoT) [13]. Можно предположить, что киберугрозы, в случае их реализации, в настоящее время находятся не только в поле рисков для государств, но и являются реальным средством ведения интеллектуальных войн за их интересы. В связи с этим на современном этапе проведено немало исследований, посвященных вопросам обеспечения информационной безопасности государств. Воплощение этих идей связано с анализом проблем взлома информационных систем, потенциальных уязвимостей, кроме того, в современных работах даны рекомендации по предотвращению возможных атак. В контексте нашего исследования можно утверждать, что киберугрозы превратились из информационных инструментов в самостоятельный фактор политической борьбы.

Более того, сегодня и социальные сети используются как эффективный механизм при управлении общественным мнением с применением механизмов давления на него. В социальных практиках современности имеет место также значительный рост роли социальных сетей, которые из информационных инструментов превратились в автономный фактор политической борьбы в предвыборной полемике, что выступает в свою очередь наиболее эффективным приемом при управлении общественным мнением. Иллюстрацией этого факта является вариант современного политического «подогрева» темы русофобии и санкций в отношении России, который осуществляется германскими СМИ, и в свою очередь сказывается на формировании соответствующих настроений в немецком обществе, а также используется в качестве инструмента сдерживания российско-германских отношений. В этом же плане можно говорить и о цифровых платформах, социальных сетях и мессенджерах, которые при определенных условиях смогут стать основой дестабилизации любого общества и, более того, даже ресурсом политического давления на государственную власть.

Упомянем здесь и о сложностях минимизации рисков распространения экстремистской информации крупными ИТ-компаниями, а также в соцсетях и видеохостингах. Общая оперативность реагирования и показатель удаления их довольно низки в настоящее время и предполагают непропорциональные межнациональные подходы к феномену разжигания ненависти. Так, Facebook зарекомендовал себя как наиболее отзывчивая и эффективная социальная платформа, особенно с отчетами, представленными из Эстонии, Румынии и Словакии. Однако Twitter и YouTube были наименее отзывчивыми платформами при оценке сообщений о высказываниях ненависти. Несмотря на высокую распространенность антисемитского контента в польских социальных сетях, частота откликов и удаления такого контента опасно низка. В испанских социальных сетях наблюдается аналогичная проблема.

ИТ-компаниям, на наш взгляд, просто необходимо выделять дополнительные человеческие и технические ресурсы для мониторинга и сокращения числа высказываний, разжигающих ненависть. Нельзя не заметить определенное сходство между позициями, которые имеют место в современности и отмечаются в документе «Мониторинг и отчетность о незаконных высказываниях ненависти. Отчет о теневом мониторинге. Первое издание. Европейская комиссия» (2021) [14]. Только 168 (что составляет 56% от общего числа отчетов) получили четкую обратную связь об удалении или не удалении с платформ социальных сетей. Следует отметить, что 155 из оцененных отчетов были рассмотрены в течение 24 часов. Что касается скорости удаления, 81% (136) оцененного контента было удалено социальными платформами. Facebook был самой эффективной и отзывчивой платформой, поскольку 134 из 136 удаленных фрагментов контента были изолированы данной платформой. В отличие от этого, Twitter и YouTube не проявили должного интереса к оценке представленных отчетов по мотивам ненависти. В частности, стоит вспомнить в этой связи, что 28 мая 2020 г. президент США Д. Трамп разрешил своим распоряжением «проводить проверку «политической ангажированности» корпораций, управляющих ... медиаресурсами. Однако данное нововведение было раскритиковано в правозащитных кругах, как ущемляющее свободу слова и право на доступ к информации» [15].

В связи с отмеченным выше небезосновательным представляется мнение о том, что «...рынки и экономическая власть опираются на политические рамки, которые, вследствие этого, зависят не только от норм, институтов и взаимоотношений, но и от управления силой принуждения. На международном уровне, где порядок является более неустойчивым, остаточные опасения по поводу принудительного применения силы, даже при малой вероятности, могут иметь важные последствия, в том числе

стабилизирующий эффект» [16]. Необходимо констатировать, что хорошо организованное современное государство обладает монополией на законное применение силы и при этом позволяет внутренним рынкам функционировать.

Отметим в качестве примера политическую позицию США в отношении строительства газопровода «Северный поток - 2», предполагающую приоритет санкционного давления. Приведем мнение С. В. Лаврова: «В период пандемии сохранение этих односторонних нелегитимных санкций выглядит бесчеловечно. Мы имели в виду односторонние санкции Запада, прежде всего США, против Ирана, Венесуэлы, Сирии и Северной Кореи» [17].

В силу этого можем также привести одно из высказываний А. А. Бартоша, эксперта Лиги военных дипломатов: «Общая военная стратегия России сосредоточена на обороне национальной территории и способности принуждать или оккупировать государства на ее периферии» [18]. На рисунке 1. приведена общая стратегия геэкономической политики государств с применением принудительных механизмов, построенная нами в ходе проведенного анализа социальных практик.

В этой связи интерес вызывает исследование Global Soft Power Index, проведенное в 2021 году и посвященное восприятию в мировом сообществе национальных брендов. Речь идет о БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), все они представлены в топ-10 стран. Итак, Россия, Южная Африка и Бразилия демонстрируют высокие показатели по оценкам потенциала будущего роста, занимая 6-е, 8-е и 9-е места соответственно. Это укрепляет представление о том, что общественное мнение уходит от Запада навстречу растущим конкурентам [19].

В настоящей статье предлагается когнитивная модель «Стратегия геоэкономической политики государств с применением принудительных механизмов как средство ведения интеллектуальных войн».

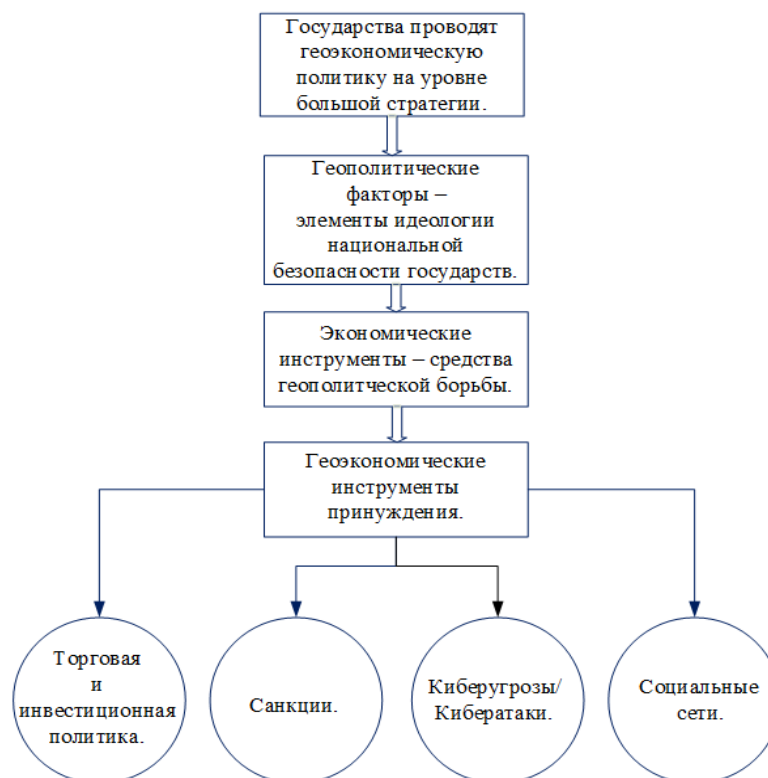

Рис. 1. – Общая стратегия геоэкономической политики государств с применением принудительных механизмов

Состав и взаимодействие блоков модели «**Интеграция и геоэкономические инструменты принуждения для достижения геополитических целей государств**».

«Геоэкономика – комбинация международной экономики, геополитики и стратегии», «Геоэкономика – экономическая конкуренция с использованием инструментов влияния», «Геоэкономика – это торговые стратегии государств, применяемые в определенных политических условиях для защиты экономики», «Геоэкономика – инвестиционная политика, санкции, киберугрозы/кибератаки».

Состав и взаимодействие блоков модели «Геополитические стратегии Соединенных Штатов Америки».

«Принуждение Ирака к отказу от агрессии, введения и последующего обеспечения соблюдения режима санкций, чтобы Ирак не претендовал на Саудовскую Аравию, создали большую коалицию», «Политика одностороннего принуждения заставляет государства, не желающие подвергнуться шантажу, тайно приобретать оружие массового поражения», «Угроза не обязательно должна быть физической. Кибератака может произойти с расстояния от десяти до десяти тысяч миль», «Позиция США в отношении строительства газопровода «Северный поток - 2», основанная на векторе беспрецедентного санкционного давления».

Состав и взаимодействие блоков модели «Киберугрозы/Кибератаки, социальные сети и санкции»

«Любое устройство (смартфон, компьютер, планшет – И. Л., Е. П.) уязвимо для атаки, особенно с появлением «интернета вещей» (IoT)», «Социальные сети – эффективный прием при управлении общественным мнением», «Цифровые платформы и мессенджеры – ресурсы политического давления на государственную власть», «Распространение материалов экстремистского толка на ресурсах крупных ИТ – компаний Facebook, Twitter, YouTube», «Особенностью односторонних принудительных мер (санкций) является их экстерриториальность. Они вводятся одной или несколькими странами и применяются за пределами их территории, затрагивая целевые страны и, через механизм вторичных санкций, третьи страны»

Выделим блоки факторов в модели 1 «Интеграция и геоэкономические инструменты принуждения для достижения геополитических целей государств».

I_1 – «Геоэкономика – комбинация международной экономики, геополитики и стратегии», I_2 – «Геоэкономика – экономическая конкуренция с использованием инструментов влияния», I_3 – «Геоэкономика – это торговые стратегии государств, применяемые в определенных политических условиях для защиты экономики», I_4 – «Геоэкономика – инвестиционная политика, санкции, киберугрозы/кибератаки».

Выделим блоки факторов в модели 2 **«Геополитические стратегии Соединенных Штатов Америки».**

Γ_1 – «Принуждение Ирака к отказу от агрессии, введения и последующего обеспечения соблюдения режима санкций», Γ_2 – «Политика одностороннего принуждения толкает государства на тайное приобретение оружия массового поражения», Γ_3 – «Угроза не обязательно должна быть физической. Кибератака может произойти с расстояния от десяти до десяти тысяч миль», Γ_4 – «Позиция США в отношении строительства газопровода «Северный поток – 2», основанная на векторе беспрецедентного санкционного давления».

Выделим блоки факторов в модели 3 **«Киберугрозы/Кибератаки, социальные сети и санкции».**

K_1 – «Смартфон, компьютер, планшет уязвимы для кибератаки, особенно с появлением «интернета вещей» (IoT)», K_2 – «Социальные сети – эффективный прием при управлении общественным мнением», K_3 – «Цифровые платформы и мессенджеры – ресурсы политического давления на государственную власть», K_4 – «Распространение материалов экстремистского толка на ресурсах крупных ИТ – компаний Facebook, Twitter, YouTube», K_5 – «Особенностью односторонних принудительных мер (санкций) является их экстерриториальность».

Известно, что когнитивная карта представляет собой взвешенный ориентированный граф [20; 21; 22].

$$G = \langle V, E \rangle,$$

где V – вершины графа:

$$V = \{v_i\}, v \in V, i = \overline{1, k};$$

E – дуги графа:

(1)

$$E = \{e_i\}, e \in E, i = \overline{1, k}.$$

На рис. 2-6 сплошные линии и символ «+1,00» обозначают положительную связь между вершинами V_i и V_j , то есть увеличение (уменьшение) влияния вершины V_i вызывает увеличение (уменьшение) в вершине V_j , линии и символ «-1,00» означают отрицательную связь между V_i и V_j , то есть увеличение (уменьшение) влияния вершины V_i вызывает уменьшение (увеличение) в вершине V_j [См. 1].

Состав блоков и их взаимодействие представлены на рисунке 2.

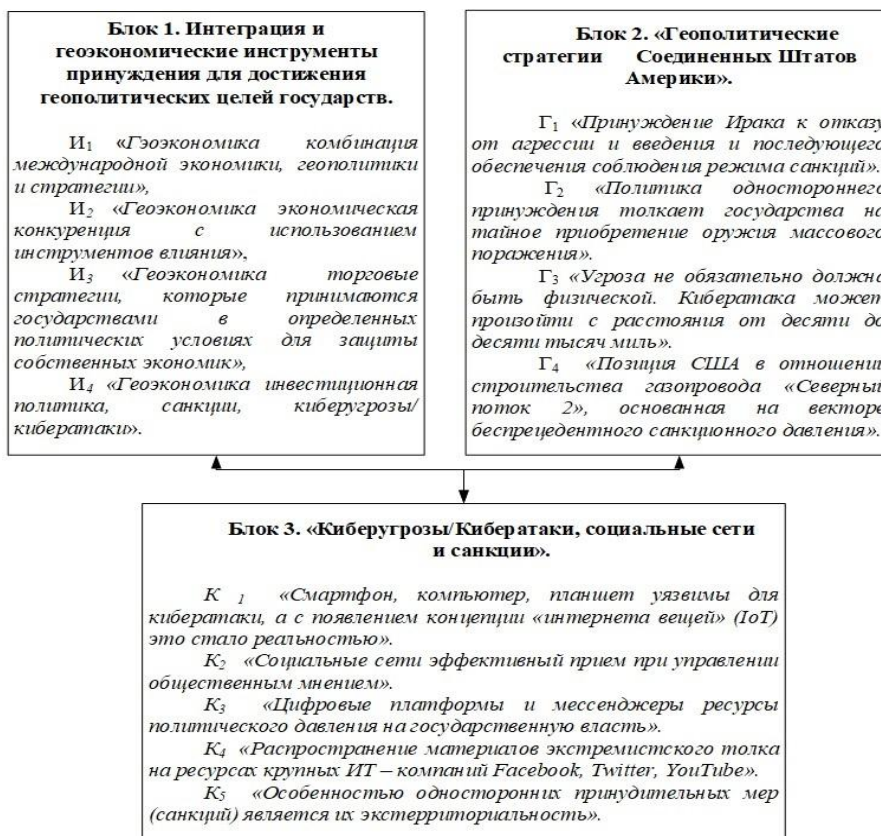

Рис. 2. – Состав и взаимодействие блоков модели «Стратегия геоэкономической политики государств с применением принудительных механизмов как средство ведения интеллектуальных войн»

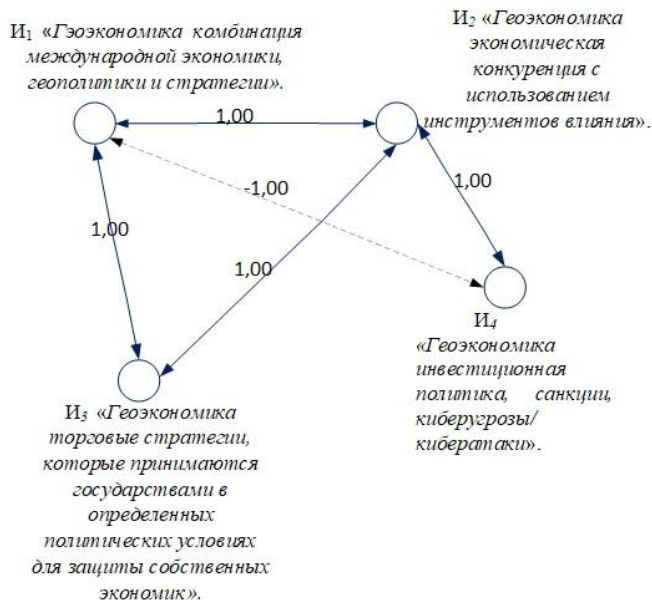

Рис. 3. – Блок 1 «Интеграция и геоэкономические инструменты принуждения для достижения геополитических целей государств»

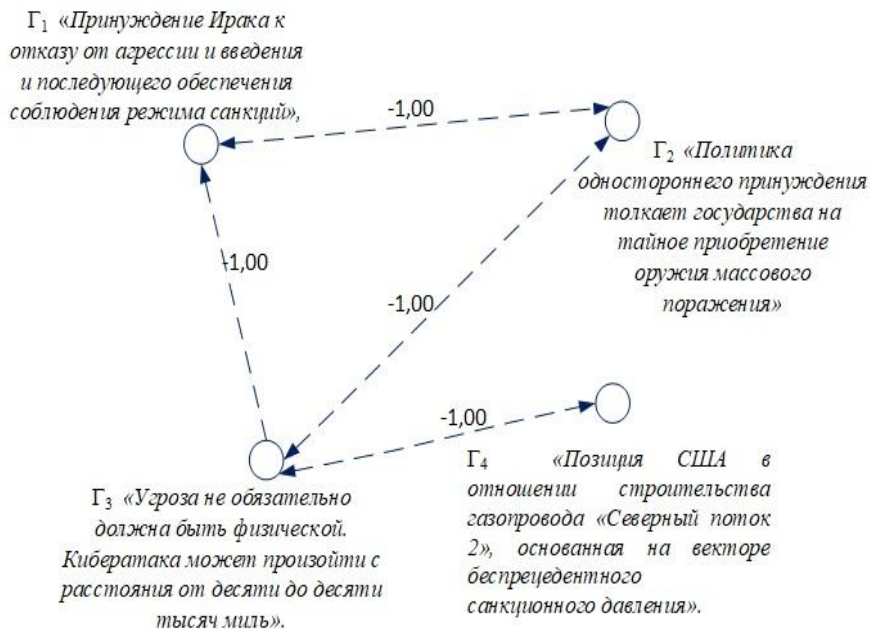

Рис. 4. – Блок 2 «Геополитические стратегии Соединенных Штатов Америки»

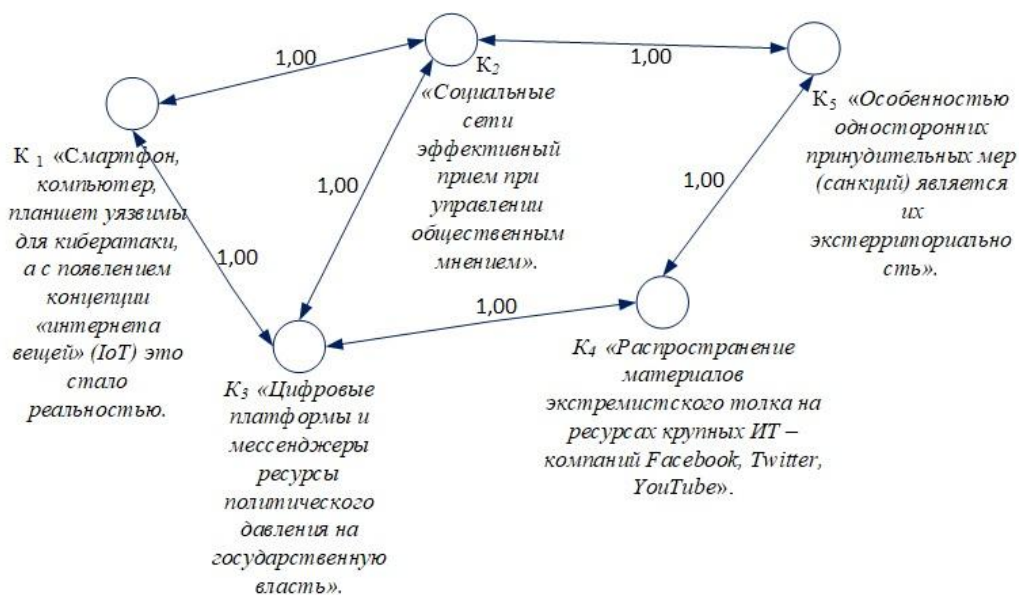

Рис. 5. – Блок 3 «Киберугрозы/Кибератаки, социальные сети и санкции»

Итак, на рисунках 3 – 6 представлены когнитивные карты, которые наглядно демонстрируют взаимосвязь блоков, полученных в ходе проведенного анализа социальных практик, связанных с применением принудительных механизмов в реализации на практике геоэкономических инструментов.

Так, в модели 1 (Рис.3), посвященной вопросам интеграционных механизмов и геоэкономических инструментов принуждения в социальных практиках, блоки взаимосвязаны следующим образом: $I_1, I_3, I_2 + I_2, I_4, I_3 - I_1, I_4$ и имеют взаимное влияние друг на друга, увеличивая силу применения принудительных механизмов, одновременно два блока уменьшают взаимодействие друг на друга. В свою очередь, при построении карты, представленной на рис. 4 и связанной с геополитической стратегией США, связь блоков выглядит следующим образом: $\Gamma_1 - \Gamma_2 - \Gamma_3 - \Gamma_4$, и блоки имеют отрицательную связь.

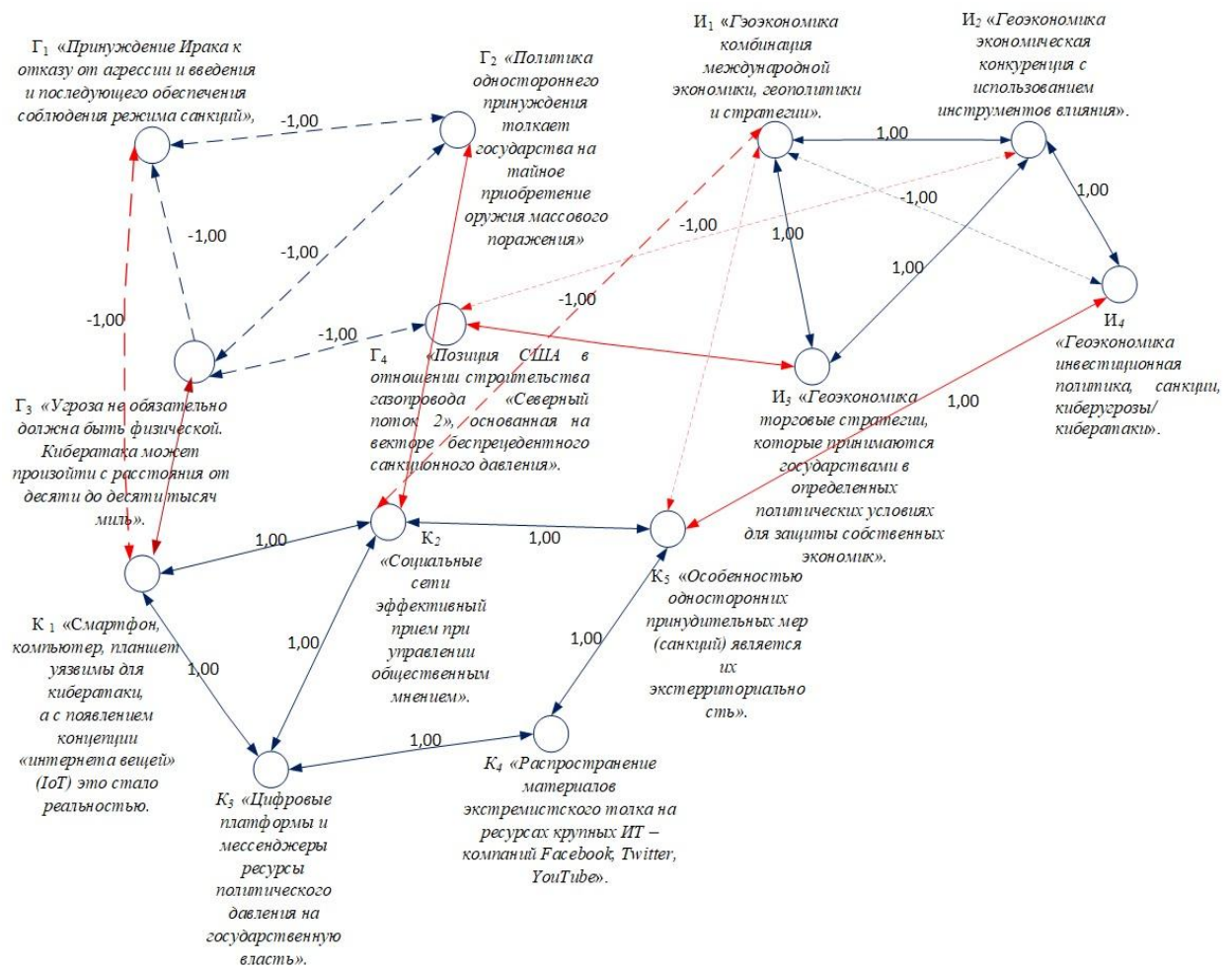

Рис. 6. – Когнитивная карта модели «Стратегия геоэкономической политики государств с применением принудительных механизмов как средство ведения интеллектуальных войн»

При построении когнитивной карты анализа социальных практик, связанных с киберугрозами (Рис.5) в социальных сетях и санкциями, мы выявили следующие связи между блоками: $K_1, K_2, K_5 + K_4$, K_2, K_3 , связь между элементами также является положительной.

В итоге проведенного когнитивного моделирования мы построили когнитивную карту модели «Стратегия геоэкономической политики государств с применением принудительных механизмов как средство ведения интеллектуальных войн», в которой были выявлены новые связи. Так, $K_1-G_1, K_1+G_3, K_2+G_2, K_2-I_1, G_4+I_3, G_4 - I_2, K_5+I_4$.

Таким образом, ведущие мировые державы в настоящее время зачастую решают проблемы стран, не разделяющих их точку зрения, используя принудительные механизмы. В этом проявляется современный мировой порядок. Беспорядок же отражает стремление изменить существующие договоренности, в том числе посредством принуждения или даже используя насилие. Недооценивая опасность, можно усугубить риски. Приведем мнение С. В. Лаврова: «Идейная доминанта Договора (между Россией и КНР) – постулат о решимости сторон передавать дружбу между двумя народами из поколения в поколение» [23]. Таким образом, на наш взгляд, можно снизить в будущем потенциальный накал рисков в отношении между государствами как в геоэкономическом, так и геополитическом аспектах.

Проанализированные выше точки зрения и мнения специалистов в области исследования вопросов, связанных с применением в международной практике геоэкономических механизмов, наводят нас на мысль о том, что все они основываются на применении принудительных механизмов. С высокой долей вероятности их можно позиционировать как действующие элементы интеллектуальных войн современности. Позиция России в отношении огромного диапазона трансграничных вызовов и угроз, в том числе геоэкономических, основывается на необходимости борьбы с ними при помощи объединения на общепризнанной международно-правовой основе.

Литература

1. Blackwill R. D., Harris J. M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge: Harvard University Press, 2016. pp. 9-10.
2. Thirlwell Mark. The Return of Geo-economics. // The Interpreter. 2010. May 24. URL: archive.lowyinstitute.org/the-interpreter/return-geo-economics

3. Geoeconomics, in Pictures. Follow the Money. Blog Post by Brad W. Setser // Council on Foreign Relations. 2009. July 31. URL: cfr.org/blog/geoeconomics-pictures
 4. Huntington S.P. Why International Primacy Matters // International Security. 1993. Vol. 17. No. 4. pp. 68-83.
 5. Lorot P. La geoeconomie, nouvelle grammaire des rivalites internationales // L'information géographique. 2001. No. 1. pp. 43–52.
 6. Blagoje S. Babić. Geo-Economics – Reality & Science // Megatrend Review 2009. Vol. 6. No. 1. URL: webster.ac.at/les/BlagojeBabic_2008.pdf.
 7. James Allen Smith. Strategic Calling: The Center for Strategic and International Studies, 1962–1992. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 1993.
 8. Richard N. Haass. War of Necessity, War of Choice: A Memoir of Two Iraq Wars. New York: Simon & Schuster, 2009.
 9. Джазаири И. Доклад специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека // Генеральная ассамблея ООН. Совет по правам человека. 2015. 10 августа. С. 5. URL: ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_45_RUS.DOCX
 10. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. О. Колесникова, М. Десятовой. AST Publishers, 2018. // ЛитРес. Электронная библиотека. URL: litres.ru/zbigne-v-kazimezh-bzhezinskiy/vybor-strategicheskiy-vzglyad/chitat-onlayn/
 11. Байден предупреждает о «настоящей войне» в результате кибератак // Süddeutsche Zeitung. 2021. 28 июля. URL: sueddeutsche.de/politik/usa-biden-cyber-china-russland-1.5365567
-

12. Nye J.S., Jr. The Other Global Power Shift // Project Syndicate. 2020. Aug. 6. URL: project-syndicate.org/commentary/new-technology-threats-to-us-national-security-by-joseph-s-nye-2020-08
 13. Диогенес Ю., Озкайя Э. Кибербезопасность: стратегии атак и обороны / пер. с англ. Д. А. Беликова. М.: ДМК Пресс, 2020. 326 с. С.17.
 14. Monitoring and reporting illegal hate speech. Shadow monitoring report. First edition // The Rights, Equality and Citizenship. Programme of the European Union. 2014 – 2020. URL: nigdywiecej.org/docstation/com_docstation/172/opcode.pdf
 15. US: Trump Attacks Social Media Platforms // Human Rights Watch. 2020. May 29. URL: hrw.org/news/2020/05/29/us-trump-attacks-social-media-platforms
 16. Nye J.S., Jr. Has Economic Power Replaced Military Mit? // Belfer Center for Science and International Affairs. 2011. June 6. URL: belfercenter.org/publication/has-economic-power-replaced-military-might
 17. Лавров назвал односторонние санкции во время пандемии «аморальными и бесчеловечными» // Коммерсантъ. 2020. 14 апреля. URL: kommersant.ru/doc/4321763
 18. Бартош А. А. Россия парирует новые угрозы в меняющемся миропорядке // Независимое военное обозрение. 2021. 22 июля. URL: nvo.ng.ru/gpolit/2021-07-22/1_1150_russia.html
 19. Global Soft Power Index 2021. The World's most comprehensive research study on perceptions of soft power // Future Growth Potential. URL: brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf
 20. Максимов В. И. Структурно-целевой анализ развития социально-экономических ситуаций: автореф. дис. ... д-р техн. наук: 05.13.10. М., 2002. 54 с.
-

21. Лапшина И. В., Калугина Л. И. Сравнительный анализ конфликтогенности советского и современного молодежного пространства с использованием когнитивного моделирования // Инженерный вестник Дона. 2019. №6. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n6y2019/6018

22. Лапшина И. В., Першонкова Е. А. Рефлексивно управляемые кибервойны современности с позиции когнитивного моделирования // Инженерный вестник Дона. 2021. №9. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n9y2021/7187

23. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова к 20-летию подписания российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, опубликованная «Российской газетой» и китайской газетой «Жэньминь Жибао», 16 июля 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2021. 16 июля. URL: mid.ru/web/guest/notabene//asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/4814228

References

1. Blackwill R. D., Harris J. M. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge: Harvard University Press, 2016. pp. 9-10.
2. Thirlwell Mark. The Return of Geo-economics. The Interpreter. 2010. May 24. URL: archive.lowyinstitute.org/the-interpreter/return-geo-economics
3. Geoeconomics, in Pictures. Follow the Money. Blog Post by Brad W. Setser. Council on Foreign Relations. 2009. July 31. URL: cfr.org/blog/geoeconomics-pictures
4. Huntington S.P. International Security. 1993. Vol. 17. № 4. pp. 68-83.
5. Lorot P. L'information géographique. 2001. № 1. pp. 43–52.
6. Blagoje S. Babić. Megatrend Review 2009. Vol. 6. № 1. URL: webster.ac.at/les/BlagojeBabic_2008.pdf.

7. James Allen Smith. Strategic Calling: The Center for Strategic and International Studies, 1962–1992. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 1993.

8. Richard N. Haass. War of Necessity, War of Choice: A Memoir of Two Iraq Wars. New York: Simon & Schuster, 2009.

9. Dzhazairi I. Doklad spetsialnogo dokladchika po voprosu o negativnom vozdeystvii odnostoronnikh prinuditelnykh mer na osushchestvleniye prav cheloveka [Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights]. The UN General Assembly. The Human Rights Council. 2015. August 10. p. 5. URL: [ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_45_RUS.DOCX](https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session30/Documents/A_HRC_30_45_RUS.DOCX)

10. Bzhezinskiy Z. Vybor: mirovoye gospodstvo ili globalnoye liderstvo. Strategicheskiy vzglyad: Amerika i globalnyy krizis [Choice: world domination or global leadership. Strategic view: America and the Global crisis]. Per. s angl. O. Kolesnikova, M. Desyatovoy. AST Publishers, 2018. LitRes. Elektronnaya biblioteka. URL: litres.ru/zbigne-v-kazimezh-bzhezinskiy/vybor-strategicheskiy-vzglyad/chitat-onlayn/

11. Bayden preduprezhdayet o «nastoyashchey voyne» v rezultate kiberatak [Biden warns of a «real war» as a result of cyber-attacks]. Süddeutsche Zeitung. 2021. July 28. URL: [sueddeutsche.de/politik/usa-biden-cyber-china-russland-1.5365567](https://www.sueddeutsche.de/politik/usa-biden-cyber-china-russland-1.5365567)

12. Nye J.S., Jr. The Other Global Power Shift. Project Syndicate. 2020. Aug. 6. URL: [project-syndicate.org/commentary/new-technology-threats-to-us-national-security-by-joseph-s-nye-2020-08](https://www.project-syndicate.org/commentary/new-technology-threats-to-us-national-security-by-joseph-s-nye-2020-08)

13. Diogenes YU., Ozkayya E. Kiberbezopasnost: strategii atak i oborony [Cybersecurity: Attack and defense strategies]. Per. s angl. D. A. Belikova. M.: DMK Press, 2020. 326 p. P.17.

14. Monitoring and reporting illegal hate speech. Shadow monitoring report. First edition. The Rights, Equality and Citizenship. Programme of the European Union. 2014 – 2020. URL: nigdywiecej.org/docstation/com_docstation/172/opcode.pdf
 15. US: Trump Attacks Social Media Platforms. Human Rights Watch. 2020. May 29. URL: hrw.org/news/2020/05/29/us-trump-attacks-social-media-platforms
 16. Nye J.S., Jr. Has Economic Power Replaced Military Mit? Belfer Center for Science and International Affairs. 2011. June 6. URL: belfercenter.org/publication/has-economic-power-replaced-military-might
 17. Lavrov nazval odносторонniye sanktsii vo vremya pandemii «amoralnymi i beschelovechnymi» [Lavrov called unilateral sanctions during the pandemic «immoral and inhumane»]. Kommersant. 2020. 14 aprelya. URL: kommersant.ru/doc/4321763
 18. Bartosh A. A. Rossiya pariruyet novyye ugrozy v menyayushchemsya miroporyadke [Russia is fending off new threats in the changing world order]. Nezavisimoye voyennoye obozreniye. 2021. 22 iyulya. URL: nvo.ng.ru/gpolit/2021-07-22/1_1150_russia.html
 19. Global Soft Power Index 2021. The World's most comprehensive research study on perceptions of soft power. Future Growth Potential. URL: brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf
 20. Maksimov V. I. Strukturno-tselevoy analiz razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh situatsiy [Structural and target analysis of the development of socio-economic situations]: avtoref. dis. ... d-r tekhn. nauk: 05.13.10. M., 2002. 54 p.
 21. Lapshina I. V., Kalugina L. I. Inzhenernyj vestnik Dona. 2019. № 6. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n6y2019/6018.
-

22. Lapshina I. V., Pershonkova E. A. Inzhenernyj vestnik Dona. 2021. №9. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n9y2021/7187

23. Statya Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova k 20-letiyu podpisaniya rossiysko-kitayskogo Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve, opublikovannaya «Rossiyskoy gazetoy» i kitayskoy gazetoy «Zhenmin Zhibao», 16 iyulya 2021 goda [Article by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov on the 20th anniversary of the signing of the Russian-Chinese Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation, published by Rossiyskaya Gazeta and the Chinese newspaper People's Daily, July 16, 2021]. Ministerstvo inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. 2021. 16 iyulya. URL: mid.ru/web/guest/notabene//asset_publisher/dx7DsH1WAM6w/content/id/4814228